

Оригинальная статья

УДК 378"19"

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.122-142>**Профессор математики Н.Н. Парфентьев и реорганизация Казанского университета в первые десятилетия советской власти****С.А. Ежова[✉], Ю.А. Альпин***Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия*[✉]sezhova@mail.ru**Аннотация**

Настоящее исследование является продолжением авторских публикаций, посвященных профессору математики Казанского университета Николаю Николаевичу Парфентьеву. В статье освещены его деятельность на посту декана физико-математического факультета в послереволюционные годы и роль в организации учебного и научного процесса в первые десятилетия советской власти. Уделено внимание работе профессора по сохранению и развитию математической школы университета, подготовке празднования 100-летия геометрии Н.И. Лобачевского, образованию НИИ математики и механики при КГУ. Рассмотрены вопросы организации поездки Н.Н. Парфентьева в заграничную научную командировку в 1928 г. Привлечение архивных документов, ряда опубликованных источников, воспоминаний современников позволяет рассмотреть разнообразную деятельность Н.Н. Парфентьева по развитию высшего физико-математического образования в СССР. В статье опубликованы фотографии из Музея истории Казанского университета и семейного архива Т.Ю. Мираковой.

Ключевые слова: Н.Н. Парфентьев, Казанский университет, XX в., учебный процесс, научная жизнь, интеллигенция, ученые, профессора, биографии

Для цитирования: Ежова С.А., Альпин Ю.А. Профессор математики Н.Н. Парфентьев и реорганизация Казанского университета в первые десятилетия советской власти // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 122–142. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.122-142>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.122-142>

Professor of mathematics N.N. Parfentiev and the reorganization of Kazan University in the early decades of Soviet rule

S.A. Ezhova✉, Yu.A. Al'pin

Kazan Federal University, Kazan, Russia

✉ sezhova@mail.ru

Abstract

This article continues a series of the authors' previous publications dedicated to Nikolai Nikolaevich Parfentiev, a prominent professor of mathematics at Kazan University. Here, his work as a dean of the Faculty of Physics and Mathematics in the post-revolutionary years is explored. His important role in the organization of the educational and research processes during the early decades of the Soviet era is demonstrated, as well as his initiatives to sustain and further advance Kazan University's school of mathematics, celebrate the centennial of the discovery of non-Euclidean geometry by N.I. Lobachevsky, and establish the Research Institute for Mathematics and Mechanics. Some thoughts on the scholar's research trip abroad in 1928 are provided. Using archival documents, published sources, and the memoirs of contemporaries, N.N. Parfentiev's diverse contributions to the development of Soviet higher education in physics and mathematics are analyzed. Photographs from the Kazan University History Museum and T.Yu. Mirakova's family archive are included.

Keywords: N.N. Parfentiev, Kazan University, 20th century, educational process, academic life, intelligentsia, scholars, professors, biographies

For citation: Ezhova S.A., Al'pin Yu.A. Professor of mathematics N.N. Parfentiev and the reorganization of Kazan University in the early decades of Soviet rule. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 2, pp. 122–142. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.122-142>. (In Russian)

Введение. Деятельность профессора математики Николая Николаевича Парфентьева в Казанском университете и его личность запечатлены в воспоминаниях его учеников (см. [1; 2] (ВП)) и отражены в более поздних публикациях [3–5]. Н.Н. Парфентьев встретил революцию 1917 г. сложившимся ученым, высокообразованным и разносторонним математиком, обладавшим даром наставника и организатора. Носитель яркого общественного темперамента, он еще до революции проявлял себя в организациях, стремившихся к прогрессивным преобразованиям в средней и высшей школе. Приход к власти большевиков и ломка привычного уклада университетской жизни едва ли отвечали его представлениям о лучшем будущем, однако он стал одним из первых казанских профессоров, начавших плодотворное сотрудничество с советской властью.

Дважды, в 1918–1922 и в 1928–1933 гг., Н.Н. Парфентьев состоял деканом физико-математического факультета. Впервые он был избран на эту должность 14 декабря 1918 г., но на

основании декрета СНК (ДСНК) с 1 января 1919 г. выбыл из состава профессоров и сложил с себя полномочия. Для подтверждения дореволюционных званий был объявлен всероссийский конкурс с обязательными рекомендациями известных ученых. Такую рекомендацию казанским профессорам-математикам Д.Н. Зейлигеру и Н.Н. Парфентьеву дал академик В.А. Стеклов¹: «Профессор Парфентьев известен своим отношением к вопросам преподавания как в высших, так и средних учебных заведениях, являясь опытным педагогом. Заслуживают внимания его работы по вопросу подготовки учителей для средней школы, сообщенные на одном из летних съездов преподавателей (Петроград). Следует также отметить его деятельное руководство математическим кружком, образованным на математическом отделении физико-математического факультета Казанского университета. Его сочинение “Исследование по теории роста функций” (Казань, 1905) свидетельствует о серьезной начитанности автора и содержит ряд интересных, хотя и не доказанных строго, соображений по вопросу о росте функций. Отмечу также издательскую и редакционную деятельность проф. Парфентьева. <...> Ко всему сказанному считаю проф. Парфентьева желательным кандидатом для замещения второй профессуры по кафедре математики в Казанском университете» (ГА РТ1, л. 147). 15–17 февраля 1919 г. в результате состоявшихся в университете выборов профессуры физико-математического факультета Н.Н. Парфентьев был избран на кафедру чистой математики, 22 февраля Совет утвердил его избрание деканом (ЛКГУ, с. 276).

Н.Н. Парфентьев – декан физмата и активный участник социалистической перестройки высшего образования. Деканом факультета Николай Николаевич стал в трудное для университета время. Помимо резкого изменения привычного уклада жизни и ментальных стереотипов, вызванных революцией, казанская профессура начала 20-х годов XX в. ощутила на себе экономические последствия Гражданской войны. Хозяйственное состояние университета было плачевным. В мае 1920 г. декан Н.Н. Парфентьев в ответ на требование ректора по поводу сдачи отчетов сообщил: «Требуемые отчеты по факультету за 1917/18 и 1918/19 учебные годы, имеющиеся в черновиках, не могут быть предоставлены немедленно ввиду полного отсутствия бумаги, необходимой для переписи отчетов... Канцелярия в настоящее время пользуется лишь обрывками, не пригодными для переписи отчетов» (ЛКГУ, с. 284). Не поступали средства на учебные расходы и покупку дров для отопления² замерзших аудиторий. В связи с муниципализацией жилья и перераспределением жилого фонда остро стоял вопрос об «уплотнении» и выселении профессоров. На заседании Ученого совета Н.Н. Парфентьев заявил, что жизнь университетских сотрудников находится «под постоянной угрозой очутиться на другой день на улице» [6, с. 54]. В апреле 1920 г. говорилось уже о «бедственном материальном положении, в каком находятся профессора и преподаватели университета и все вообще находящиеся в нем» [7, с. 269].

В 1921–1922 гг. ситуацию усугубил голод в Поволжье. Некоторой мерой поддержки крупных ученых в 1921 г. стали введенные советским правительством «академические»³ ежемесячные пайки. Н.Н. Парфентьев получал такой паек вместе с профессорами А.Я. Гордягиным, М.Э. Ноинским, А.А. Остроумовым, Д.А. Гольдгаммером. В середине 20-х годов

¹ Стеклов Владимир Андреевич (1864–1926) – русский математик и механик, действительный член Петербургской Академии наук (1912), вице-президент АН СССР (1919–1926), организатор и первый директор Физико-математического института РАН, названного после смерти ученого его именем.

² Температура в здании университета зимой 1920–1921 гг. опускалась до 1–6 градусов ниже нуля.

³ Академический паек включал в себя мыло, 15 фунтов крупы, 45 фунтов хлеба, 15 фунтов селедки или мяса, 4 фунта жира.

XX в. заработная плата профессора составляла 140 руб. в месяц. В отчете Казанского университета за 1925–1926 гг. эта сумма была признана достаточной для существования лишь при условии имеющегося у профессора дополнительного⁴ заработка (КГУ 1925, с. 26).

Новые правила приема в вузы отдавали приоритет рабоче-крестьянской молодежи, которой для успешного освоения программы необходимо было иметь школьное образование. Поскольку большинство такой базой не обладало, решение проблемы было возложено на рабфаки (рабочие факультеты), дававшие школьную подготовку в ускоренном темпе. 1 ноября 1919 г. в Казанском университете состоялось торжественное открытие пятого в РСФСР рабфака, для организации которого лично Н.Н. Парфентьев сделал очень много [3]. Но и помимо организации рабфака университет 20-х годов XX в. переживал серьезные структурные изменения. Альтернативой упраздненным юридическому (1919 г.) и историко-филологическому (1921 г.) факультетам стал ФОН – факультет общественных наук, который находился в составе университета до 1922 г., а затем перешел в Восточный педагогический институт (ВПИ). В этих условиях в январе 1921 г. ректор Е.А. Болотов, занимавший лояльную позицию по отношению к советской власти, досрочно сложил с себя ректорские обязанности.

Совет университета 5 февраля 1921 г. на выборах ректора проголосовал за профессора статистики А.А. Овчинникова, человека независимого и менее склонного к уступкам по отношению к власти. Наркомат просвещения Татарской Республики с его избранием не согласился, но А.А. Овчинников все-таки стал ректором. Тогда 14 декабря 1921 г. было организовано общее собрание студентов университета, которое в пику профессорскому кандидату выдвинуло кандидатуру Н.Н. Парфентьева, однако профессорско-преподавательское собрание не изменило своего решения. В феврале 1922 г. преподаватели Казанского университета по примеру московской профессуры объявили забастовку, решив не начинать занятий после зимних каникул. Помимо тяжелых условий жизни протестные настроения вызвало разработанное Наркомпросом «Положение об управлении вузами» от 4 марта 1921 г., согласно которому высшим органом университета становилось правление из трех-пяти человек с обязательным включением представителя от студенчества. Правление назначалось Главпрофобр⁵ из числа предложенных кандидатур, что, по сути, являлось ликвидацией автономии вузов. Главпрофобр 9 февраля 1922 г. утвердил правление Казанского университета в следующем составе: ректор – Н.Н. Парфентьев, члены правления – профессор В.А. Баранов и студент М.К. Корбут. Однако Николай Николаевич, осознавая всю двусмысленность своего положения в глазах коллег и не желая противопоставлять себя профессорской корпорации, 10 марта 1922 г. отказался от ректорства.

В период с 1922 по 1928 г. в Казанском университете оставалось только два⁶ факультета: физико-математический и медицинский. Реальная угроза существованию университета возникла в 1923 г., когда Наркомпрос предложил перевести физико-математический факультет в состав ВПИ. И, хотя профессорско-преподавательский коллектив и ректор В.В. Чир-

⁴ Одним из результатов перестройки высшего образования, предпринятого советской властью, в Казани стало увеличение числа вузов. На основании приказа Наркомата просвещения РСФСР от 2 января 1919 г. Казанский промышленный, экономический и художественный техникум был преобразован в Казанский политехнический институт. Первым ректором был избран профессор Д.Н. Зейлигер. Как и другие профессора университета, Н.Н. Парфентьев по совместительству читал там лекции.

⁵ Главпрофобр – Главное управление профессионального образования, центральный орган управления профессиональным образованием в РСФСР в 20–30 годах XX в.

⁶ В 1928 г. присоединился факультет советского строительства и права, а в 1930 г. приобрел права факультета рабфак, прежде являвшийся самостоятельным учебным заведением при КГУ.

ковский⁷ смогли отстоять факультет в составе университета, неопределенность положения сохранялась.

Второй срок деканства Н.Н. Парфентьева (1928–1933) был сложным из-за постоянно менявшейся системы обучения в высшей школе. Он писал: «Университет в лице своего бывшего математического факультета должен был политехнизироваться. Это значило, что прежнее математическое отделение должно было перестать быть оторванным от всякого производства и должно было перестроить свои абстрактно-теоретические планы, увязав их с практикой социалистического строительства» (УЗКУ, с. 87). Как член методического комитета по математике и механике сектора науки Наркомпроса РСФСР, он регулярно выезжал в Москву на совещания, участвовал в выработке и обсуждении вузовских учебных планов, программ, производственной практики. Для каждой специальности⁸ им были составлены отдельные учебные планы, подчиненные задаче ускоренной подготовки технических кадров. Профессор Б.Л. Лаптев вспоминал, что в 1931–1932 гг. ему пришлось руководить практикантами в Ленинграде в Палате мер и весов, а в следующем году ехать в Ижевск на заводы, договариваться о местах для студентов-практикантов (ВП, с. 125). К осени 1930 г., когда стало ясно, что «развернуть» все заявленные специальности университет не сможет, остановились на трех: теоретическая и прикладная математика, аэродинамика.

В 1931 г. продолжением реформы вузовского образования стала ликвидация факультетской структуры. Физико-математический факультет КГУ распался на 12 отделений, среди которых механико-математическое и аэродинамическое представляли бывшее математическое отделение. На механико-математическом изучались: прикладная механика, сопротивление материалов, теория упругости, теория вибрации, курсы по вычислительным и статистическим методам. Вместе с этим из плана подготовки изъяли такие теоретические дисциплины, как неевклидова геометрия, топология, теория множеств [7, с. 329]. Через несколько лет Н.Н. Парфентьев вспоминал: «Отрицательной стороной такого переходного характера являлось то, что в университетах тогда царила пестрота планов (ведь много было отделений, или, вернее, было обилие маленьких факультетов). Далее, эта пестрота планов требовала большого числа научных кадров, затем такими мелкими по специальности отделениями было трудно руководить...» (ОРРК НБЛ1, л. 17).

Вероятно, по названной причине он какое-то время рассматривал для себя возможность смены места работы. В 1927 г. в правлении Узбекского высшего педагогического института (г. Самарканд) обсуждался вариант с приглашением профессора Н.Н. Парфентьева заведовать кафедрой математики, так как по дошедшим до них «частным сведениям» он изъявил желание занять эту кафедру (ОРРК НБЛ2, л. 2–3). Спустя два года в сентябре 1929 г. Совет физико-технического отделения Дальневосточного университета озвучил телеграмму Н.Н. Парфентьева, в которой он выражал желание участвовать в конкурсе на замещение должности профессора кафедры математики. В обоих случаях вузы были рады его предложению, осознавая возможность привлечения видного научного работника как исключительно благоприятное обстоятельство (ОРРК НБЛ2, л. 4).

⁷ Чирковский Василий Васильевич (1874–1956) – ученый-офтальмолог, доктор медицинских наук, профессор, академик АМН СССР (1946). В 1923–1925 гг. был ректором Казанского университета.

⁸ В 1929 г. в перечне специальностей математического отделения физмата КГУ были заявлены: теоретическая математика, прикладная математика, математическая статистика, теоретическая механика (механик-исследователь, механик-преподаватель вуза, втуза), испытание материалов (математик-исследователь для заводских лабораторий), аэродинамика (механик-исследователь для лабораторий и аэродинамических исследовательских институтов).

Фото 1. Н.Н. Парфентьев на лекции. Казань. 1937 г. Из личного архива Т.Ю. Мираковой

Photo 1. N.N. Parfentiev during a lecture. Kazan. 1937. From T.Yu. Mirakova's personal archive

Н.Н. Парфентьев – лектор широчайшего диапазона, воспитатель советского поколения математиков. В 20–30-х годах XX в. Николай Николаевич прочел в Казани огромное количество лекций. Кроме КГУ он преподавал математические дисциплины и прикладную механику в новых казанских вузах: педагогическом; политехническом; институте сельского хозяйства и лесоводства. С 1933 г. в течение нескольких лет читал лекции по ряду курсов из области прикладной механики в открывшемся в Казани авиационном институте. Профессор В.А. Яблоков отмечал, что «за последние 20 лет своей жизни Н.Н. прочитал столько различных курсов математического, механического и отчасти даже физического характера, что мне сейчас трудно среди предметов учебного плана по математике и механике указать такой, который бы в соответствующее время не читался Николаем Николаевичем; справляться с чтением всех этих курсов ему позволяла его исключительная эрудиция. Среди этого чрезвычайного обилия прочитанных Н.Н. курсов отмечу только лекции по теории интегральных уравнений, по теории относительности, по тензорному анализу, с его приложениями к многомерной дифференциальной геометрии, проводившиеся им в 1921–1923 гг.» [1, с. 17–18]. Лекционный курс⁹ заканчивался сдачей экзамена, и в качестве экзаменатора профессор не был придирчив к студентам. Химик А.С. Ключевич, окончивший КГУ в 1928 г., вспоминал: «Сдача экзамена по теории вероятностей профессору Н.Н. Парфентьеву – человеку не очень умевшему “подтягивать” студентов, происходила в “геометричке” и по шуму и неорганизованности несколько напоминала базар. Выдав задания, он садился у стола в центре комнаты, усаживал около себя 3–4 человек и не строго спрашивал, мало следя за остальными» (ВХ, с. 22).

⁹ В КГУ для разных специализаций он читал лекции по теории вероятностей, по методу наименьших квадратов, по математической статистике с теорией корреляций, по теории кривых распределения, а также следующие курсы: техника научных вычислений, приближенное интегрирование дифференциальных уравнений, теория номографических методов, гармонический анализ.

Профессор В.В. Морозов, обучавшийся в 1927–1930 гг. на физико-математическом факультете КГУ, отзывался о профессоре как о математике очень широкого диапазона¹⁰: «Он был здесь проводником новых математических идей; написал немало учебников, но самостоятельное его научное творчество, по существу, исчерпывалось диссертацией “Исследования по теории роста функций”. Увлёкся ли он всецело процессом преподавания, пошла ли, как нередко бывает, ширина в ущерб глубине или сказалась неблагоприятная семейная жизнь (романтическая женитьба на дочери казанского миллионера, вскоре уехавшей во Францию и оставшейся там) – не берусь судить, однако во всяком случае он мог заинтересовать молодёжь наукой и указать направление работы, а в то время это, пожалуй, было самое важное» (НГЧ, с. 27). Под влиянием лекций Н.Н. Парфентьева по аналитической и вычислительной геометрии студент первого курса Б.Л. Лаптев, в 1923 г. поступивший в университет заниматься физикой, выбрал математическую специализацию. В очерке, посвящённом учителю, он писал: «Свои лекции Парфентьев читал вдохновенно, увлекательно (автор настоящего очерка имел счастье в студенческие годы посещать некоторые его курсы лекций и под его влиянием заинтересовался методами приближенных вычислений, геометрией Лобачевского и по окончании университета стал его ассистентом). Он умел прекрасно обрисовать сущность, развитие, значение и перспективы того или иного круга математических идей. Он не стремился обязательно всегда привести все детали расчетов, но давал общее представление об их направлении, последовательности и результатах» [2, с. 25–26].

На протяжении всей жизни Н.Н. Парфентьев неизменно заботился о научной смене, сохранении и продолжении математической школы Казанского университета. Математически одаренную молодёжь важно было сберечь в это сложное время, сохранить при университете. В 1930 г. Николай Николаевич дал отличную рекомендацию завершившему обучение Б.Л. Лаптеву: «Я знаю Б.Л. Лаптева со студенческих времен и горячо рекомендую его на должность ассистента при кабинете математической статистики. Б.Л. Лаптев широко развитой математик, хорошо разбирающийся не только в области анализа и геометрии в самых трудных частях, но он имеет и вкус, и способности к практическим приложениям и анализа, и геометрии... Я думаю, что из него вырабатывается талантливый научный исследователь, и посему горячо рекомендую его» [8, с. 5].

Десятью годами ранее (в самый разгар гражданской войны в июле 1919 г.) незадолго до этого утвержденный деканом Н.Н. Парфентьев направил ходатайство факультета об откомандировании из Красной Армии подающего большие надежды выпускника физмата П.А. Широкова для продолжения учебы в качестве профессорского стипендиата. В 1920 г., согласно предписанию Всероссийского главного штаба Полевому штабу Реввоенсовета Республики, П.А. Широков был освобожден от военной службы для прикомандирования к Казанскому университету [9, с. 5]. Профессор собственноручно составил подробную инструкцию для его научных занятий, отвечающую самым высоким требованиям, а в заключении написал: «Конечно, всего в инструкции не предусмотреть, да это отчасти и излишне: в лице Широкова мы имеем молодого человека с собственными мыслями и планами, уже солидно образованного, а потому даже и не нуждающегося в очень детальном руководстве: он сам в состоянии наметить себе то, что ему интересно и полезно» [9, с. 26]. После того как в 1923 г. П.А. Широков был назначен преподавателем кафедры математики, на осво-

¹⁰ За два учебных года В.В. Морозов прослушал у Н.Н. Парфентьева курсы интегрального исчисления, теории вероятностей, теории наименьших квадратов, динамики точки и системы, теории непрерывных групп, номографии, а также курс техники научных вычислений.

бодившееся место профессорского стипендиата Н.Н. Парфентьев предложил выпускника математического отделения Б.М. Гагаева. В его характеристике Николай Николаевич написал: «...зарекомендовал себя как активный слушатель, не только записавший мои лекции, но и *оригинально*¹¹ разрешивший несколько вопросов, связанных с теорией интегральных уравнений. Я это обстоятельство подчеркиваю, так как это указывает на наличие научной инициативы у Гагаева... Это обстоятельство особенно важно, так как в Гагаеве мы имеем уже человека, пытающегося *самостоятельно* решать некоторые проблемы» [10, с. 108].

В 1936 г. из Казанского авиационного института на физико-математический факультет КГУ перешел М.Т. Нужин¹². Профессор Н.Н. Парфентьев был научным руководителем его выпускной работы, в 1938 г. взял его ассистентом, а затем и аспирантом на кафедру механики. В 1939 г. он был мобилизован, воевал и вернулся в университет только в 1946 г., уже не застав в живых своего научного руководителя. У Николая Николаевича было множество учеников, из которых также отметим К.З. Галимова, ставшего впоследствии известным ученым-механиком.

Создание НИИ математики и механики при КГУ. Именно Н.Н. Парфентьев, познакомившись в 1924 г. в Москве с молодым талантливым математиком Н.Г. Чеботаревым¹³, после защиты последним в 1927 г. докторской диссертации организовал его приглашение¹⁴ на кафедру математики в Казанский университет. С приездом Н.Г. Чеботарева создалась благоприятная обстановка для открытия при университете Научно-исследовательского института математики и механики. В Казани сложилась группа математиков и механиков высокой квалификации: Н.Г. Чеботарев, П.А. Широков, Н.Г. Четаев, Н.Н. Парфентьев, под руководством которого продолжало работу Казанское физико-математическое общество. После отъезда в 1929 г. профессора Д.Н. Зейлигера Николаю Николаевичу было поручено заведование кабинетом механики. В 1930 г. он стал заведующим кафедрой теоретической механики, создал при ней лабораторию оптических методов исследования напряжения. В феврале 1931 г. Н.Г. Чеботарев подал заявление на имя директора КГУ об освобождении его от заведования кафедрой математики, и в марте заведующим был назначен Н.Н. Парфентьев, а во главе кафедры механики поставлен профессор П.А. Широков.

В январе 1932 г. Н.Н. Парфентьев от имени дирекции университета выступил с предложением об открытии НИИ математики и механики на сессии методического комитета сектора науки Наркомпроса РСФСР. Вопреки ожиданиям, последовала рекомендация открыть институт как филиал московского института, действовавшего при МГУ. Руководство КГУ настаивало на необходимости открытия самостоятельного НИИ при Казанском университете. В 1933 г. Н.Н. Парфентьев был включен в состав Математического комитета¹⁵ при Наркомпросе (ГА РТ2, л. 275). Второй всесоюзный математический съезд (Ленинград, 1934 г.)

¹¹ Два слова в цитате выделены Н.Н. Парфентьевым.

¹² Нужин Михаил Тихонович (1914–1983) – математик и механик, доктор физико-математических наук, профессор (1955); заслуженный деятель науки РСФСР; ректор КГУ в 1954–1979 гг.

¹³ Н.Г. Чеботарев (с 1929 г. член-корреспондент АН СССР) стал основателем Казанской алгебраической школы.

¹⁴ В июне 1927 г. на заседании Ученого совета физико-математического факультета состоялась баллотировка, соискателей было двое – Н.Г. Чеботарев и бакинский профессор А.С. Кованько. Отзыв о них давал профессор Н.Н. Парфентьев. С похвалой отзывавшись о работах каждого, он рекомендовал предпочесть кандидатуру Н.Г. Чеботарева, который и был избран.

¹⁵ В Математический комитет входили 16 человек, в том числе такие виднейшие математики страны, как председатель комитета В.В. Степанов; члены: П.С. Александров, Б.Н. Делоне, А.Н. Колмогоров, Н.Г. Чеботарев и др.

поддержал инициативу казанцев, указав в резолюции на «настоятельную необходимость организации математического института в Казани» [11, с. 7]. В организационный комитет были включены: Н.Г. Чеботарев (председатель), Н.Н. Парфентьев, Н.Г. Четаев, П.А. Широков, Б.М. Гагаев, К.П. Персидский, Д.М. Крутов (секретарь) (ЛКГУ, с. 394). Они же стали членами-учредителями института. Н.Г. Чеботарев был назначен директором, Н.Н. Парфентьев возглавил секцию (отдел) механики, в котором занимался вопросами теории вибрации. В октябре 1934 г. в газете «Красная Татария» были опубликованы предложения ученых Казанского университета Н.Г. Чеботарева, Н.Н. Парфентьева, П.А. Широкова, связанные с открытием в Казани научно-исследовательского института математики и механики. В своей заметке о задачах секции механики Николай Николаевич писал: «Развернувшаяся широко советская индустрия повелительно выдвинула перед механиками института ряд теоретических задач в области аэродинамики, акустики, теории устойчивости, теории вибрации, теории упругости и в области артиллерийских проблем. Механическая секция должна по всем указанным разрезам вести теоретические изыскания» [12, с. 509], упомянув, что помимо чисто научных механическая секция будет разрабатывать и связанные философско-методологические проблемы.

Фото 2. Студенты и преподаватели физмата Казанского университета. Второй ряд слева направо: Б.Л. Лаптев, В.Е. Григорьев, П.А. Широков, Н.Н. Парфентьев, Е.И. Григорьев, Н.Г. Четаев, Е.С. Гинзбург. Казань. 1 апреля 1935 г. Из фонда Музея истории Казанского университета

Photo 2. Students and academic staff of the Physics and Mathematics Faculty at Kazan University. Second row, left to right: B.L. Laptev, V.E. Grigoriev, P.A. Shirokov, N.N. Parfentiev, E.I. Grigoriev, N.G. Chetaev, and E.S. Ginzburg. Kazan. April 1, 1935. From the collection of the Kazan University History Museum

Выбор, сделанный в пользу Казанского университета, опирался на авторитет казанской математической школы. Не последнюю роль сыграло также широко проведенное в 1926 г. празднование 100-летия неевклидовой геометрии.

Празднование 100-летия геометрии Н.И. Лобачевского. Как известно, распространению идей Н.И. Лобачевского в мировом научном сообществе и увековечению его памяти решающим образом способствовала деятельность профессора Казанского университета А.В. Васильева. По его инициативе было торжественно отмечено 100-летие со дня рождения великого геометра и учреждена международная премия имени Н.И. Лобачевского¹⁶.

После 1912 г. традиция присуждения премий из-за войны и революции была прервана. Н.Н. Парфентьев стремился продолжать традицию популяризации геометрии Н.И. Лобачевского, заложенную его учителем А.В. Васильевым. В конце апреля 1923 г. он направил в Астрономо-математическую предметную комиссию КГУ подробную записку с обоснованием и конкретными рекомендациями по проведению приближающегося 100-летнего юбилея со дня представления Н.И. Лобачевским знаменитого сочинения «Сжатое изложение начал геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных» (1826 г.). Члены КФМО подняли вопрос о необходимости организации широкого празднования открытия неевклидовой геометрии и возобновления международного конкурса на соискание премии имени Н.И. Лобачевского.

В Юбилейную комиссию помимо возглавившего ее Н.Н. Парфентьева были избраны профессор Н.И. Порфирьев и доцент П.А. Широков, к сотрудничеству приглашены академик В.А. Стеклов (Ленинград) и профессора А.В. Васильев (живший в то время в Москве) и В.Ф. Каган (Москва). Ходатайство Казанского университета было поддержано. Главное управление научными учреждениями (Главнаука) при Наркомпросе согласилось с организацией в Казани юбилейных торжеств в феврале 1926 г., одобрило проведение международного конкурса имени Н.И. Лобачевского, а также внесло в смету расход в 1000 руб. на выдачу премии. По мнению руководства Главнауки, «возобновление международной премии будет способствовать связи СССР с западной наукой и вполне соответствует мировому значению Лобачевского» [13, с. 9]. Средства на проведение юбилея выделили правительство Татарской республики и президиум коллегии Наркомпроса.

24–26 февраля 1926 г. на юбилейных мероприятиях в Казани с докладами выступили вице-президент АН СССР В.А. Стеклов, профессор А.В. Васильев, Н.Н. Парфентьев, В.Ф. Каган, Д.Н. Зейлигер. На торжественном объединенном заседании Совета университета и КФМО Николай Николаевич прочитал доклад «Неевклидова геометрическая система Н.И. Лобачевского и ее роль в истории развития физико-математических наук и теории познания» [13, с. 34–54]. Д.Я. Мартынов вспоминал: «...областью главных его интересов была история математики в Казанском университете и сохранение традиций, идущих от Н.И. Лобачевского. Благодаря широкому кругозору, знанию языков Н.Н. Парфентьев занимал ведущую роль в праздновании столетия неевклидовой геометрии Лобачевского в 1926 г., которое прошло торжественно и интересно и на котором, к слову сказать, мы познакомились со многими ведущими математиками страны» (НБ, л. 9).

¹⁶ Впервые конкурс был организован в 1897 г. и приурочен к 100-летию со дня рождения Н.И. Лобачевского. Проводился до революции шесть раз, последний состоялся в 1912 г. Премия (за исключением 1906 г., когда она не присуждалась) получили выдающиеся математики С. Ли, В. Киллинг, Д. Гильберт, Л. Шлезингер, Ф. Шур.

Традиция присуждения международной премии имени Н.И. Лобачевского была восстановлена, учреждена стипендия его имени. В 1927 г. после 14-летнего перерыва на VII международном конкурсе имени Н.И. Лобачевского премию присудили немецкому математику Герману Вейлю. Следующий конкурс был проведен только через 10 лет, в 1937 г. Наркомпрос выделил средства на три премии. Из них международная премия в 1000 р. предназначалась для иностранных ученых и две по 500 р. – для молодых советских математиков. Н.Н. Парфентьев и В.Ф. Каган предложили для советских ученых две темы: по неголономным пространствам и о роли неевклидовых геометрий и механики в развитии основных понятий геометрии и механики. Премию имени Н.И. Лобачевского получил Эли Картан, член Парижской академии наук. За решение трудных и важных проблем в области неголономных многообразий двойную премию для молодых советских ученых в 1000 р. получил профессор Саратовского университета В.В. Вагнер.

Заграничная научная командировка. В годы Первой мировой и Гражданской войны прервалось сотрудничество ученых России с научным миром Европы. Российские профессора стремились восстановить прежнюю практику заграничных поездок. Важность научного сотрудничества понимала и советская власть, которой было необходимо налаживание международных связей в том числе в области науки. В 20-х годах XX в. командировки за границу возобновляются, но в меньшем объеме и на короткий срок. В марте 1923 г. правление университета обратилось в Главпрофобр с ходатайством о разрешении профессору Н.Н. Парфентьеву трехмесячной командировки в Германию летом того же года для разработки математических оснований принципа относительности. Главпрофобр тянул с ответом и попросту «проволынил» обращение КГУ. В декабре 1925 г. правление снова рассмотрело просьбу профессора о заграничной командировке в Германию и Францию и возбудило ходатайство о ее предоставлении. В 1928 г. он наконец-то получил разрешение на командировку во Францию и Италию, рассчитанную на четыре месяца. Н.Н. Парфентьев выступил на Восьмом международном конгрессе математиков в Болонье (Италия) с докладом «Философия природы у Лобачевского», опубликованном впоследствии в трудах конгресса и «Ученых записках Казанского государственного университета»¹⁷. В докладе, в частности, были использованы только что найденные в архиве рукописные «Обозрения преподавания Н.И. Лобачевского»¹⁸.

Во Франции жили жена Н.Н. Парфентьева Елизавета Петровна и тесть П.И. Александров (сын Борис жил в Марокко), и, конечно, командировки давали возможность увидеться. Гражданская война разделила его семью: опасаясь репрессий со стороны советской власти, жена и сын уехали за границу [4, с. 65].

Наличие родственников облегчило ему жизнь за границей осенью 1928 г., когда из-за несогласованности действий и бюрократических проволочек комиссия Наркомпроса по заграничным командировкам не выслала ему дополнительную денежную сумму, и он вынужден был занимать деньги у знакомых жены. Вопрос с возвратом долга волновал его, так как Елизавета Петровна жила очень скромно, зарабатывала тем, что служила чтицей у богатой женщины. Ее отец П.И. Александров, крупный предприниматель и состоятельный человек,

¹⁷ Парфентьев Н.Н. Натурфилософия Н.И. Лобачевского // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. 1930. Т. 90. Кн. 3-4. С. 303–312.

¹⁸ Опубликовано в кн. *Лобачевский Н.И.* Научно-педагогическое наследие. Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма / Под общ. ред. П.С. Александрова [и др.]; отв. ред. П.С. Александров и Б.Л. Лаптев. М.: Наука, 1976. 663 с.

спешно покидая Россию в 1918 г., ничего не вывез за границу и сам нуждался в деньгах. Волокита, в которую Николай Николаевич оказался «втянутым» по приезду, пытаясь получить положенную валюту, чтобы рассчитаться с долгом, ни к чему не привела – Особое валютное совещание Наркомфина отказало в переводе за границу 100 рублей (ГА РТ2, л. 175).

Фото 3. Е.П. Парфентьева с сыном Борисом. Канны. 30 декабря 1916 г. Из личного архива Т.Ю. Мираковой

Photo 3. E.P. Parfentieva and her son Boris. Cannes. December 30, 1916. From T.Yu. Mirakova's personal archive

Сокращение научных командировок и лишение возможности выписывать иностранную научную литературу были серьезными недостатком, и Н.Н. Парфентьев говорил, что спасает лишь научный обмен, дающий богатую журнальную литературу [13, с. 336]. Для атмосферы тех лет показательным является заявление профессора, поданное им в 1933 г. в учебно-методический отдел КГУ: «К 15 годовщине Октября я был премирован заграничной командировкой, как и в прошлом году. Но Наркомпрос в прошлом году моей командировки не осуществил, обещая перенести на 1933 год. Я просил бы учебно-методический отдел через дирекцию КГУ возбудить ходатайство о командировке для меня нынешней весной 1933 г. сроком на 4 ½ месяца, начиная с 15 апреля по 1 сентября 1933 г. в Германию и Францию, для завершения некоторых начатых мной научных работ по математике и механике» (ГА РТ2, л. 261). Хорошо зная советские реалии и трудность получения разрешения на такую командировку, в том же заявлении он предложил альтернативу: «Если же почему-либо моя заграничная командировка состояться не может, то я просил бы дирекцию дать мне командировку в Ленинград, Москву, Киев, Харьков на один год для моих научных работ в библиотеках этих городов, а также в научно-исследовательских институтах Ленинграда, ЦАГИ (Москва) и южных аэродинамических лабораториях, причем просил бы помимо своего месячного оклада субсидировать меня еще специальной месячной суммой, обеспечивающей мои переезды и

закупку для меня специальной литературы» (ГА РТ2, л. 261). Ни та, ни другая возможность в 1933 г. ему предоставлены не были.

Неудачный эксперимент Наркомпроса. Официальная линия Наркомпроса в 1929–1930 гг. была направлена на отказ от лекционного метода обучения как устаревшего и пассивного. Учебная работа строилась по бригадному методу: основной упор делался на самостоятельное выполнение студентами учебно-лабораторных заданий в так называемых бригадах. Были отменены дипломные проекты, сокращено теоретическое обучение, чередуемое с непрерывной производственной практикой. Политика отказа от лекций не разделялась многими преподавателями университета. Иногда несогласие высказывалось открыто, иногда приобретало скрытые формы. Профессор зоологии позвоночных М.Е. Макушок долго отказывался прекращать чтение лекций и переходить на бригадный метод, пока его не заставили студенты. Новое студенчество, пришедшее через классовые приемы и рабфаки, обладало уже совершенно иным культурным кодом. Газета «Ленинец» 12 марта 1930 г. с возмущением писала о том, что профессор В.А. Ульянин вместо семинара проводит обычные лекции, прерывая их лишь для того, чтобы обменяться несколькими фразами с отдельными студентами [7, с. 330].

Особенно нелегко в подобной ситуации приходилось декану. Н.Н. Парфентьев должен был отчитаться перед властью об исполнении ее директивных указаний и в то же время сохранить дух настоящей университетской подготовки. В воспоминаниях академика Е.К. Завойского, а тогда аспиранта кафедры физики, сказано: «Излюбленным в то время методом нажима был “добровольный” отказ профессоров читать лекции студентам. Некоторые шли на это (например, Н.Н. Парфентьев, который на общем собрании университета бил себя в грудь и клялся, что вот в следующем учебном году он действительно не прочтет ни одной лекции!). Однако студенты хотели слушать своих любимых лекторов, и часто посещали тайные лекции в аудиториях или дома (профессора для этого сказывались больными, и приглашали студентов домой под видом консультации)» (КУ, с. 217). В тех же мемуарах Е.К. Завойский отдал должное самоотверженному труду ученых университета и назвал их пофамильно: «Здесь были люди, которые знали цену истинному жертвенному и свободному труду: профессора В.А. Ульянин, А.Е. Арбузов, Б.А. Арбузов, П.А. Широков, Н.Г. Чеботарев, Н.И. Порфирьев, Н.Н. Парфентьев, В.А. Яблоков, Д.Н. Зейлигер, Н.А. Ливанов, А.Ф. Самойлов и другие. Они не признавали никакой “новой” науки, которая строилась, исходя из закоренелых натурфилософских принципов, отвергнутых еще в прошлом веке, но насаждаемых везде с помощью винтовки. <...> Почему они делали это опасное дело? Все просто, без позы – сознание своей ответственности перед народом, которому они в душе поклялись служить бескорыстно, по-своему» (КУ, с. 217). Как видим, Н.Н. Парфентьева он включил в число беззаветных тружеников науки, несмотря на собственное довольно едкое описание его конформистской реакции на приказ об отмене лекций. Как верно отмечает О.А. Хабибрахманова, профессор «приветствовал все начинания советской администрации, но в то же время пытался сохранить профессиональные традиции старой высшей школы, выдавая их за новые» [5, с. 672].

Отказ от лекций, умаление роли преподавателя в объяснении нового материала быстро привело к снижению уровня подготовки студентов. Ю.П. Булашевич, член-корреспондент АН СССР, а в то время студент-физик и заместитель председателя студенческого профбюро, вспоминал, как недовольные слабой подготовкой по электродинамике¹⁹ студенты решили

¹⁹ Профессор А.Д. Гольдгаммер (1899–1941) приносил на занятия учебники по электродинамике и уходил, а студенты читали этот учебник самостоятельно.

улучшить дело и перейти на лекционный метод обучения: «Об этом я заявил Гольдгаммеру, когда он пришел со своими учебниками на следующее занятие. Гольдгаммер поблагодарил нас, сказал, что живое слово лектора имеет решающее значение в подготовке. <...> Ранней весной 1932 г. гром грянул. На наше самовольство поступило заявление в директивные органы Татарии. Все физическое отделение отправили заготавливать лес. Нам было сказано, что после возвращения с лесозаготовок профбюро как зачинщика будут судить показательным судом, исключение из университета неминуемо» [14, с. 24–25]. Спасло студентов то, что в 1932 г. применение бригадно-лабораторного метода обучения в качестве универсального было осуждено постановлением ЦИК СССР как вредное. Вернулась традиционная вузовская структура с факультетами, отделениями и кафедрами, были реабилитированы лекции и дипломные работы, уточнены специальности, введена дифференцированная оценка знаний. Однако красноармейский наскок на традиционный учебный процесс, сопровождаемый социально-политическим принципом подбора научных кадров, не прошел бесследно, и особенно наглядно его последствия проявились в Казанском университете на физическом отделении.

Проблемы с физикой. Осенью 1932 г. университет столкнулся с проблемой отсутствия лекторов по физике. В 1931 г. умер профессор В.А. Ульянин. По предложению ректора Н.-Б.З. Векслина для установления тесных связей науки с производством должность заведующего кафедрой физики занял (вместо профессора А.Д. Гольдгаммера) рабочий-изобретатель А.Г. Садреев, который «изобрел электрическую мышеловку и предложил проект использования энергии молний для энергетики первой пятилетки» (КУ, с. 213). В августе 1932 г. А.Д. Гольдгаммер перешел в Ленинградский физико-технический институт. Ранее на должности заведующих кафедрами физики в другие институты²⁰ ушли Б.И. Смирницкий, Н.А. Залесский, Б.М. Столбов. В итоге на кафедре физики не осталось ни одного сотрудника со степенью. Именно поэтому в 30-е годы Н.Н. Парфентьев был оппонентом большинства кандидатских диссертаций, защищавшихся по специальности «физика» [14, с. 59]. В марте 1933 г. он выступил оппонентом (вместе с профессором метеорологии и климатологии А.В. Шипчинским) на защите диссертаций Е.К. Завойского²¹ и А.В. Несмелова. После успешной защиты оба соискателя по представлению декана физмата профессора В.А. Баранова получили звания и. о. доцентов, а Е.К. Завойский, назначенный и. о. заведующего кафедрой физики, начал читать значительную часть курсов общей физики в КГУ. А.В. Несмелов специализировался по теоретической физике и был учеником профессора В.А. Ульянина. После смерти последнего и отъезда А.Д. Гольдгаммера по причине отсутствия физиков-теоретиков в Казани научное руководство диссертацией А.В. Несмелова взял на себя Н.Н. Парфентьев, который хотел поддержать исследования по теоретической физике в Казанском университете. Физика переживала тогда период бурного развития, а Николай Николаевич хотя и отличался разносторонними интересами, особенно в области механики и аналитических функций, не владел глубоко специализированными знаниями в области квантовой механики. В силу этого и по причине большой загруженности Н.Н. Парфентьев

²⁰ В конце 1930 г. из состава Казанского университета выделились медицинский, химико-технологический институты, чуть позднее был образован авиационный институт.

²¹ Завойский Евгений Константинович (1907–1976) – физик-экспериментатор, первооткрыватель электронного парамагнитного резонанса, академик АН СССР (1964). Его кандидатская диссертация была выполнена под руководством профессоров В.А. Ульянина и Г.А. Остроумова (лаборатория ультракоротких волн (УКВ), Ленинград)

не мог качественно осуществлять научное руководство диссертацией, а также критически оценить проведенные аспирантом расчеты. На защите он, уже в качестве оппонента, дал диссертации блестящий отзыв. Однако Ученый комитет Наркомпроса (аналог современного ВАК), рассмотрев диссертацию А.В. Несмелова, отказал ему в утверждении в звании доцента, установив, что идея и счетная часть его работы ошибочны [14, с. 38]. В дальнейшем А.В. Несмелов защитил кандидатскую диссертацию по физической химии.

В 1936 г. опять же за неимением в Казани дипломированных физиков-теоретиков Н.Н. Парфентьеву поручили рецензировать диссертацию аспиранта С.А. Альтшулера²² о намагниченности нейтрона. Будучи далек от проблем ядерной физики, Николай Николаевич не смог провести объективную научную оценку работы С.А. Альтшулера и в рецензии дал отрицательный отзыв (не исключено, что сыграл свою роль и досадный опыт с защитой работы А.В. Несмелова). И.Е. Тамм²³, заведующий кафедрой теоретической физики МГУ и научный руководитель С.А. Альтшулера, узнав об этом факте, написал письмо, в котором выразил свое возмущение и даже намерение приехать на защиту [15, с. 122]. Этого делать не пришлось: Н.Н. Парфентьев отрицательную рецензию отозвал и высказался о диссертации положительно.

Социалистическое соревнование профессоров. В 30-х годах XX в. гигантские стройки, развернувшиеся в СССР и ознаменовавшие начало индустриализации, вызвали к жизни такое явление, как социалистическое соревнование, направленное на повышение производительности труда. Соревноваться можно было коллективно или индивидуально. Добровольное принятие плановых или сверхплановых социалистических обязательств распространялось на разные сферы деятельности людей, включая и образовательную. К примеру, 22 февраля 1931 г. физико-математический факультет Казанского университета заключил договор о социалистическом соревновании с артиллерийским полком (ЛКГУ, с. 362). Не оставались в стороне и научные работники, и здесь показателен договор о социалистическом соревновании, заключенный в 1932 г. между профессорами КГУ Н.Н. Парфентьевым и Н.Г. Четаевым. Документ содержал обязательство содействовать строительству авиационной промышленности Татарской республики. Проблемы устойчивости и аэродинамики брался разрабатывать Н.Г. Четаев со своей школой (Г.В. Каменков, М.Ш. Аминов), а проблемы теории упругости и вибрации – Н.Н. Парфентьев и его аспиранты-механики. Оба профессора к концу 1933 г. обещали подготовить учебные монографии: Н.Н. Парфентьев – по гидродинамике и теории вибраций, Н.Г. Четаев – по теории устойчивости движения (конспект лекций); определить программы курсов; провести специальные семинары по научным дисциплинам, в число тем включить темы производственного характера (ОРРК НБЛ2, л. 7).

Общественная деятельность Н.Н. Парфентьева и почетные звания. Кроме чрезвычайно разнообразных лекционных курсов для студентов Н.Н. Парфентьев прочел в Казани множество публичных лекций, создавших ему репутацию глубоко эрудированного оратора, который безотказно и со знанием дела сможет осветить любой научный вопрос в духе современности. К нему часто обращались с просьбой о выступлении в различных учреждениях и организациях. В 1929 г. собрание рабочих Казанской текстильной фабрики имени

²² Альтшулер Семен Александрович (1911–1983) – физик-экспериментатор, первооткрыватель акустического парамагнитного резонанса (1952), член-корреспондент АН СССР (1976).

²³ Тамм Игорь Евгеньевич (1895–1971) – физик-теоретик, академик АН СССР (1953), лауреат Нобелевской премии по физике 1958 (совместно с П.А. Черенковым, И.М. Франком).

В.И. Ленина избрало Николая Николаевича Почетным рабочим, вручив ему расчетную книжку и спецодежду. Его большая работа по организации высшего образования в республике, проведенная в 20-х годах XX в., была отмечена советской властью. С формулировкой «За особо выдающиеся заслуги в борьбе за досрочное выполнение производственной программы, самоотверженную работу на фронте социалистического строительства» Президиум ЦИК ТАССР в июне 1932 г. присвоил Н.Н. Парфентьеву звание «Герой социалистической стройки Татарстана». В обстановке советизации сознания и внедрения идеологии во все сферы жизни подобная награда была свидетельством признания заслуг. Эта форма выражения народного отличия была высоко оценена Н.Н. Парфентьевым. Самые важные бумаги Николай Николаевич отныне подписывал так: «Профессор КГУ, Герой социалистической стройки Татарстана, Почетный работник текстилей, Лауреат золотой медали им. Н.И. Лобачевского, Почетный рабфаковец Казанского ун-та Н.Н. Парфентьев» (ГА РТ2, л. 307).

Фото 4. Н.Н. Парфентьев на отдыхе. Набережные Мокваши. 1937 г. Из личного архива Т.Ю. Мираковой

Photo 4. N.N. Parfentiev on vacation. Naberezhnye Morkvashy. 1937. From T.Yu. Mirakova's personal archive

Его вклад в дело образования, безотказность, с которой он «тянул воз» общественной работы, ценила власть. В 1930 г. в главной республиканской газете «Красная Татария» были напечатаны статьи М.К. Корбута и Н.Г. Чеботарева, вышедшие под общим заголовком «Тридцать лет научной и общественной деятельности проф. Н.Н. Парфентьева»²⁴, в которых воздавалось должное его научным, педагогическим и общественным заслугам;

²⁴ Чеботарев Н.Г. Н.Н. Парфентьев как деятель науки // Красная Татария. 1930. 15 февр.; Корбут М.К. Старый профессор – новый человек // Красная Татария. 1930. 15 февр.

в 1939 г. в связи с 135-летием Казанского университета опубликована статья В.А. Мартынова, посвященная Н.Н. Парфентьеву (Уч.).

Николай Николаевич состоял членом президиума Казанского городского совета (руководил финансово-бухгалтерской секцией), возглавлял комиссию о переименовании ряда казанских улиц в честь ученых и писателей – А.М. Бутлерова, А.П. Щапова, Н.В. Гоголя, Н.Г. Чернышевского, М. Горького, Г. Тукая (НБ, л. 9). В 1932–1935 гг. был кандидатом в члены представительного органа власти Татарской автономной республики (ТатЦИК), являлся председателем казанского отделения ВАРНИТСО, членом Совета профсоюза работников высшей школы и научных учреждений (с 1934 г.). К нему хорошо относился ректор К.П. Ситников²⁵. Николай Николаевич знал европейские языки: «Говорю, пишу и читаю на русском, немецком, французском и английском. Слабо владею татарским, довольно хорошо итальянским», – указано им в личном листке по учету кадров (ОРРК НБЛ2, л. 5), поэтому в случаях, когда у ректора иногда возникала необходимость общения с приезжим иностранцем, профессор математики выполнял обязанности переводчика – из университета за ним присылали автомобиль.

Фото 5. Слева направо: Н.П. Парфентьева (невестка); племянницы Нина (старшая) и Маргарита; Н.Н. Парфентьев и его сестра А.Н. Парфентьева. Казань. 1940 г. // Ленинец. 1941. 19 апреля

Photo 5. Left to right: N.P. Parfentieva (daughter-in-law), nieces Nina (older) and Margarita; N.N. Parfentiev and his sister A.N. Parfentieva. Kazan. 1940. From *Leninets*. April 19, 1941

В конце 1934 г. Н.Н. Парфентьев принялся хлопотать о пенсии. В заявлении на имя директора КГУ он писал: «За последние годы здоровье мое сильно ухудшилось и я, проработав свыше 35 лет на научно-педагогическом поприще, хотел бы серьезно заняться своим здоровьем. <...> Ввиду сего прошу Дирекцию КГУ не отказать содействовать в ходатайстве перед инстанциями о выдаче мне академической пенсии за выслугу полных 35 лет» (ГА РТ2, л. 307). Документов, подтверждающих, что его хлопоты оказались успешными

²⁵ Ситников Кирилл Прокофьевич (1899–1988) – ректор Казанского университета в 1937–1951 гг.

и положенную пенсию он получил, найти не удалось²⁶. Уважение, признание заслуг выражались по-разному. Его имя в апреле 1939 г. в числе первых было записано на Доску почета, учрежденную университетской газетой «Ленинец» (ЛКГУ, с. 415). В 1940 г. в ознаменование 20-й годовщины образования Татарской АССР Президиум Верховного совета СССР присвоил ему звание «Заслуженный деятель науки РСФСР». Весной 1941 г. в честь 40-летия научной, педагогической и общественной деятельности университет премировал Н.Н. Парфентьева суммой в 2000 рублей, а 19 апреля 1941 г. университетская газета посвятила ему большой материал, была опубликована фотография ученого в кругу семьи.

Заключение. Демонстрация лояльности советской власти, умение идти на компромиссы, работать в команде облегчали профессору Н.Н. Парфентьеву решение многих проблем, но главным для него оставалась искренняя любовь к своей работе, свойственная лучшим представителям российской интеллигенции: в его случае – любовь к университету, математике, общественной деятельности. Напряженный труд, включавший, помимо прочего, колоссальную лекционную и общественную нагрузку, позволил сократить научные и кадровые потери, неизбежные при реорганизации образовательной системы. Он принимал активное участие в создании рабочего факультета в Казанском университете (1919), способствовал становлению новых казанских вузов и преподавал математические дисциплины и прикладную механику в институтах: педагогическом, политехническом, авиационном, сельского хозяйства и лесоводства. В период структурных изменений и экспериментов с системой обучения, происходивших в высшей школе страны в послереволюционные и последующие годы, Н.Н. Парфентьев на посту декана физико-математического факультета всеми силами старался сохранить и развить математическую школу Казанского университета. Организовал приглашение в университет профессора Н.Г. Чеботарева, инициировал проведение в 1926 г. 100-летнего юбилея неевклидовой геометрии в Казани и открытие при университете Научно-исследовательского института математики и механики (1934).

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

- ДСНК – Декрет Совета Народных Комиссаров. О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики. 1 октября 1918 года // Изв. Всерос. центрального исполнительного комитета Советов. 1918. 9 окт. (№ 219).
- ГА РТ1 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. 11 (Физ.-мат. ф-та). Д. 2587: Рекомендации, выданные разными учеными и учебными заведениями лицам для участия в конкурсе на замещение должностей профессоров и преподавателей факультета. Характеристики рекомендуемых. 354 л.
- ЛКГУ – Исаков А.П. Летопись Казанского государственного университета: (история в фактах, подтвержденных документами); в 2 т. Казань; Лондон: МИАН, 2004. Т. 1: 1804– 1945. 487 с.
- КГУ1925 – Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина в 1925–1926 учеб. году. Казань, 1926. 79 с.
- УЗКУ – Парфентьев Н.Н. Из жизнедеятельности кафедр математики, механики и аэродинамики за последние годы // Учен. зап. Казан. ун-та. 1931. Кн. 4. Вып. 1. С. 87–89.

²⁶ Нина Дмитриевна Парфентьева (1926–2024), племянница Николая Николаевича, утверждала, что государственную пенсию он не получал.

- ВП – *Лаптев Б.Л.* Воспоминания о Н.Н. Парфентьеве // Очерки истории НИИ математики и механики имени Н.Г. Чеботарева / Сост. А.М. Елизаров. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 1989. С. 119–125.
- ОРРК НБЛ1 – *Парфентьев Н.Н.* Краткая историческая записка о Казанском университете // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 6635. 20 л.
- ОРРК НБЛ2 – Материалы к биографии Н.Н. Парфентьева // ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 4890. 15 л.
- ВХ – *Ключевич А.С.* Воспоминания химика – выпускника КГУ. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 72 с.
- НГЧ – *Морозов В.В.* Н.Г. Чеботарев // Николай Григорьевич Чеботарев (1894–1947). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. С. 11–65.
- Уч. – *Мартинов В.А.* Ученый // Красная Татария. 1939. 23 сент.
- НБ – *Мартинов Д.Я.* Недавнее былое // ОРРК НБЛ. Ед. хр. 10103. 29 л. Рукопись.
- ГА РТ2 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. 4 (Совет). Д. 10199: Документы о служебной деятельности профессора Н.Н. Парфентьева. 536 л.
- КУ – *Завойский Е.К.* Казанский университет конца двадцатых–тридцатых годов. Сороковые годы // Чародей эксперимента. Сборник статей об академике Е.К. Завойском. М: Наука, 1993. С. 212–222.

Литература

1. *Яблоков В.А.* Жизнь и деятельность профессора Николая Николаевича Парфентьева // Николай Николаевич Парфентьев (1877–1943): биобиблиогр. указатель. Казань. 1955. С. 3–21.
2. *Лаптев Б.Л.* Николай Николаевич Парфентьев // Рассказы о казанских ученых. Казань: Татар. кн. изд-во. 1983. С. 20–26.
3. *Альпин Ю.А., Ежова С.А.* «Тяжелы были наши первые шаги...»: Н.Н. Парфентьев и организация рабочего факультета Казанского университета (к 100-летию рабфака) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2019. № 4. С. 144–155.
4. *Ежова С.А., Альпин Ю.А.* Профессор математики Н.Н. Парфентьев: русский интеллигент на сломе эпох // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2022. Т. 164, кн. 6. С. 51–68. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.6.51-68>.
5. *Хабибрахманова О.А.* Столкновение с советской реальностью: пути адаптации профессора математики Казанского университета Н.Н. Парфентьева // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. История и филология. 2019. Т. 29. № 4. С. 669–673. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2019-29-4-669-673>.
6. *Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. 498 с.
7. История Казанского университета, 1804–2004 / Гл. ред. И.П. Ермолаев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 651 с.
8. *Шапуков Б.Н.* Борис Лукич Лаптев. 1905–1989. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 23 с.
9. *Лаптев Б.Л., Широков А.П., Вишневский В.В.* Петр Алексеевич Широков. 1895–1944. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 27 с.
10. Механико-математический факультет Казанского университета: Очерки истории / Науч. ред.: В.В. Вишневский и др. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. 157 с.
11. *Лаптев Б.Л.* Становление и развитие НИИММ в 1934–1954 гг. // Научно-исследовательский институт математики и механики имени Н.Г. Чеботарева. 1993–1997 / Под ред. А.М. Елизарова, С.А. Кузнецова. Казань: Казан. мат. о-во: ДАС, 1998. С. 3–13.
12. Культурное строительство в Татарии. 1917–1941 / Под ред. М.К. Мухарямова, М.З. Тутаева. Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. 670 с.
13. Празднование Казанским университетом столетия открытия неевклидовой геометрии Н.И. Лобачевским: 24.2.1826 – 25.2.1926. Казань: Физико-математическое общество при Казанском университете, 1927. 110 с.

14. Альтишлер Н.С., Ларионов А.Л. Физическая школа Казанского университета с конца 20-х до 40-х годов XX века: история развития и научные достижения выпускников. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 150 с.
15. Завойский В.К. Академик Е.К. Завойский. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 175 с.

References

1. Yablokov V.A. Life and work of Professor Nikolai Nikolaevich Parfentiev. In: *Nikolai Nikolaevich Parfent'ev (1877–1943): biobibliogr. ukazatel'* [Nikolai Nikolaevich Parfentiev (1877–1943): A Biobibliographical Index]. Kazan, 1955, pp. 3–21. (In Russian)
2. Laptev B.L. Nikolai Nikolaevich Parfentiev. In: *Rasskazy o kazanskikh uchenykh* [Stories about Kazan Scholars]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 1983, pp. 20–26. (In Russian)
3. Al'pin Yu.A., Ezhova S.A. “Our first steps were hard...”: N.N. Parfentiev and the establishment of the Workers' Faculty at Kazan University (dedicated to the 100th anniversary of the Workers' Faculty). *Gasyrlar Avazy – Ekho Vekov*, 2019, no. 4, pp. 144–155. (In Russian)
4. Ezhova S.A., Al'pin Yu.A. Professor of mathematics N.N. Parfentiev: A member of Russia's intelligentsia during the transformative period between the epochs. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 6, pp. 51–68. doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.51-68 (In Russian)
5. Khabibrakhmanova O.A. Collision with Soviet reality: Adaptive strategies of N.N. Parfentiev, Professor of Mathematics at Kazan University. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Istoriya i Filologiya*, 2019, vol. 29, no. 4, pp. 669–673. (In Russian)
6. Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. *Terra Universitatis: dva veka universitetskoi kul'tury v Kazani* [Terra Universitatis: Two Centuries of the University Culture in Kazan]. Kazan, Kazan. Gos. Univ., 2005. 498 p. (In Russian)
7. Ermolaev I.P. (Ed.) *Istoriya Kazanskogo universiteta, 1804–2004* [The History of Kazan University, 1804–2004]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2004. 651 p. (In Russian)
8. Shapukov B.N. *Boris Lukich Laptev. 1905–1989* [Boris Lukich Laptev. 1905–1989]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2001. 23 p. (In Russian)
9. Laptev B.L., Shirokov A.P., Vishnevsky V.V. *Petr Alekseevich Shirokov. 1895–1944* [Petr Alekseevich Shirokov. 1895–1944]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2001. 27 p. (In Russian)
10. Vishnevsky V.V. et al. (Eds.) *Mekhaniko-matematicheskii fakul'tet Kazanskogo universiteta: Ocherki istorii* [Faculty of Mechanics and Mathematics of Kazan University: Historical Essays]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2003. 157 p. (In Russian)
11. Laptev B.L. The establishment and development of the Chebotarev Research Institute for Mathematics and Mechanics in 1934–1954. In: Elizarov A.M., Kuznetsov S.A. (Eds.) *Nauchno-issledovatel'skii institut matematiki i mekhaniki imeni N.G. Chebotareva. 1993–1997* [Chebotarev Research Institute for Mathematics and Mechanics. 1993–1997]. Kazan, Kazan. Mat. O-vo., DAS, 1998, pp. 3–13. (In Russian)
12. Mukharyamov M.K., Tutaev M.Z. (Eds.) *Kul'turnoe stroitel'stvo v Tatarii. 1917–1941* [Cultural Development in Tataria. 1917–1941]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 1971. 670 p. (In Russian)
13. *Prazdnovanie Kazanskim universitetom stoletiya otkrytiya neevklidovoi geometrii N.I. Lobechevskim: 24.2.1826–25.2.1926* [Celebrating 100 Years Since N.I. Lobachevsky's Discovery of Non-Euclidean Geometry at Kazan University: February 24, 1826–February 25, 1926]. Kazan, Fiz.-Mat. O-vo. Kazan. Univ., 1927. 110 p. (In Russian)
14. Altshuler N.S., Larionov A.L. *Fizicheskaya shkola Kazanskogo universiteta s kontsa 20-kh do 40-kh godov XX veka: istoriya razvitiya i nauchnye dostizheniya vypusknikov* [Kazan University School of Physics from the Late 1920s to the 1940s: A History of Development and Scientific Achievements of Graduates]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2002. 150 p. (In Russian)
15. Zavoisky V.K. *Akademik E.K. Zavoiskii* [Academician E.K. Zavoisky]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 1986. 175 p. (In Russian)

Информация об авторах

Ежова Светлана Алексеевна, кандидат исторических наук, главный библиограф Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: sezhova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0910-110X>

Альпин Юрий Абдуллович, кандидат физико-математических наук, независимый исследователь

E-mail: yurialpin016@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8190-2916>

Author Information

Svetlana A. Ezhova, Cand. Sci. (History), Chief Bibliographer, N.I. Lobachevsky Scientific Library of Kazan Federal University

E-mail: sezhova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0910-110X>

Yuri A. Al'pin, Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Independent Researcher

E-mail: yurialpin016@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8190-2916>

Поступила в редакцию 10.02.2025

Принята к публикации 10.04.2025

Received February 10, 2025

Accepted April 10, 2025